

УДК 327.54(73) + 327.54(57) + 316.77

А. В. Антошин

СОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РАДИО «СВОБОДА» (1950-е — начало 1980-х)

Рассматривается пропагандистская деятельность радиостанции «Свобода» в эпоху «холодной войны» в отношении населения Среднеазиатского региона. На материалах американских архивохранилищ показаны усилия США по налаживанию контактов с объединениями антикоммунистов — эмигрантов из Средней Азии, стремление повлиять на политическое сознание населения региона.

Ключевые слова: «холодная война»; радио «Свобода»; антикоммунизм; Центральная Азия.

Проблема американской политики в Центральной Азии — тема, как известно, очень острая и актуальная. Анализируя ее, неизбежно задаешься вопросом об истоках этой политики, ее пропагандистском обеспечении в период «холодной войны». В связи с этим бесспорно встает и вопрос о том, какую позицию занимали Соединенные Штаты в развитии дезинтеграционных тенденций внутри Советского Союза, как они относились к перспективам образования независимых государств на территории советской Центральной Азии.

Данная тема относится к числу слабо изученных сюжетов в истории американской советологии. В годы «холодной войны» пропагандистская деятельность радиостанции «Свобода» в отношении населения Средней Азии затрагивалась в ряде общих работ советских авторов, которые были посвящены идеологическому противостоянию США и СССР [см.: Белов, Шилкин; Афанасьев; Амиров; и др.]. Наибольшее внимание этому сюжету было уделено в брошюре Т. Амирова. Авторы указанных выше трудов видели свою цель прежде всего в том, чтобы разоблачить тщетность попыток «Свободы» повлиять на политическое сознание советского общества.

История американской советологии и радиостанции «Свобода» получила некоторое освещение и в американской исследовательской литературе. Однако американские авторы (среди которых в первую очередь нужно назвать В. Тремля, Дж. Армстронга и др.) обычно лишь косвенно затрагивают вопрос о том, какими методами «Свобода» пыталась вести антикоммунистическую пропаганду среди населения советской Центральной Азии. Историки пока весьма слабо используют в своих сочинениях материалы личных архивов представителей американского менеджмента радиостанции. Все это свидетельствует о том, что тема американской политики в Центральной Азии советского времени еще ждет своих исследователей.

Источниковой базой данной работы послужили архивные материалы, хранящиеся в Отделе специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США), с которыми автор работал в 2011 г. Здесь находятся личные архивы людей, которые на разных этапах истории радио «Освобождение» / радио «Свобода» оказывали важнейшее влияние на формирова-

ние его информационной политики. Это Роберт Келли¹, стоявший у истоков радио «Освобождение» в 1950-е гг., и Йон (Джон) Лодисен², находившийся на ключевых должностях на радиостанции в конце 1960-х — начале 1980-х гг. Служебная переписка этих людей с сотрудниками радио и чиновниками американских государственных учреждений дает возможность лучше понять механизм принятия решений по ключевым аспектам формирования информационной политики на «Свободе». Интерес для исследователей данной проблемы представляют и некоторые использованные в данной статье материалы личного архива известного русского эмигранта, американского политолога Д. фон Мореншильда. Эти документы хранятся в знаменитом Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США).

У истоков политики США эпохи «холодной войны» в отношении различных народов СССР находилась группа людей, создавших в начале 1950-х гг. Американский комитет за освобождение народов России. Возникновение этой структуры было связано с резким обострением советско-американских отношений, своеобразным «апогеем» которого стала война в Корее. Первым президентом Американского комитета был Юджин Лайонс, исполнительным директором — Р. Таунсенд; в состав комитета вошли У. Чемберлин, Ч. Эдисон, У. Эллиотт, А. Гровер, И. Дон Левин, У. Уайт; советником комитета стал Дж. Митчелл [GUL. SC, Robert F. Kelley papers, box 5, folder 1, American Aid to Kremlin's Russian enemies]. Впоследствии состав Комитета неоднократно менялся. Так, например, в 1952 г. главой комитета стал адмирал А. Кирк, в 1953 г. на посту президента этой структуры появился адмирал Л. Стивенс. В том же 1953 г. членом Американского комитета стал уже упоминавшийся Р. Келли. Это были люди, в большинстве своем много лет специализировавшиеся на «русских» проблемах (при этом со спецификой менталитета различных народов СССР они были знакомы плохо), некоторые из них долгое время работали в Советском Союзе в качестве специальных корреспондентов американских газет и журналов. Естественно, в основе их идеологических установок лежал антикоммунизм. При этом, однако, они полагали, что необходимо сделать ставку

¹ Роберт Ф. Келли (1894–1975) — выпускник Гарвардского университета, дипломат, советолог. В 1926–1937 гг. — глава восточноевропейского отделения Госдепартамента США. Со второй половины 1940-х гг. активно занимался установлением контактов с политэмигрантами из СССР. Один из основателей Американского комитета, с марта 1953 г. — вице-президент радиостанции «Освобождение» («Свобода»).

² Йон (Джон) Лодисен (1934–1993) получил степени бакалавра по проблемам внешней политики Университета Вирджиния (1955) и магистра международных отношений (специализация «советские исследования») Американского университета в Вашингтоне (1958). В 1955–1958 гг. служил в военной разведке в качестве переводчика с русского языка и разведывательно-аналитика. С 1959 г. — на дипломатической работе: сотрудник службы по обменам с советскими и восточноевропейскими странами Бюро по европейским делам Госдепартамента США, затем вице-консул США в Белу-Оризонте (Бразилия), сотрудник службы по советско-африканским отношениям Госдепа. В 1966–1968 гг. — сотрудник посольства США в Москве. В 1968–1970 гг. — постоянный член международного штаба НАТО, специалист по советским проблемам. С 1969 г. — на радио «Свобода» / «Свободная Европа»: глава политического штаба, глава отдела программной политики, программный менеджер Русской службы, директор по политическим и исследовательским проблемам, с 1984 г. — директор американских операций.

на оппозиционные движения народов СССР как на решающий фактор ликвидации существовавшего в стране режима. Характерно в этом плане заявление, сделанное в мае 1951 г. губернатором штата Нью-Джерси Ч. Эдисоном, будущим членом Американского комитета: «Свержение советского режима русскими людьми стало бы лучшей новостью столетий. Но только сами народы России, первые и величайшие жертвы коммунистической тирании, могут сделать это» [см.: Ibid.].

Именно поэтому, пожалуй, наиболее заметной акцией Американского комитета стали переговоры о формировании своеобразного советского «правительства в изгнании», инициированные в начале 1950-х гг. Американцы попытались создать единый орган из представителей различных народов СССР, пообещав передать этой структуре мощное современное средство антикоммунистической пропаганды — радиостанцию. Для этого в ноябре 1951 г. было проведено совещание различных эмигрантских группировок (Народно-трудового союза, Северокавказского антибольшевистского национального объединения и др.) в германском Висбадене. Однако уже здесь выявилась ограниченность связей американцев с эмигрантскими объединениями народов СССР. Единственной структурой, объединявшей выходцев из советской Центральной Азии, участвовавшей в совещании, стал Туркестанский национально-освободительный комитет «Тюркели». Однако этот комитет отнюдь не выражал политические настроения эмигрантов — представителей всех народов Центральной Азии: лидер этой организации (который в протоколах совещания именовался Канатбаем) был казахом, в составе комитета не было ни туркмен, ни таджиков, ни узбеков. Остальные эмигрантские группировки вообще не стали участвовать в переговорах о создании «российского правительства в изгнании». Это свидетельствует, на наш взгляд, не только об ограниченности связей американцев с эмигрантской средой, но и об изначальной узости политической базы идеи компромисса между антикоммунистическими объединениями народов Советского Союза. А ведь эта идея будет в течение многих лет стержневой для американского руководства радио «Свобода».

Однако даже эти, казалось бы компромиссно настроенные, участники совещания сразу же накалили обстановку в Висбадене. Канатбай заявил: «Для нас, туркестанцев, название Совет освобождения народов России не подходит... Потому что Туркестан — понятие определенное. И наши говорят: когда мы говорим “Россия”, то Туркестан входит автоматически в состав России». А последний вариант был для «Тюркели» неприемлем. Канатбай сразу выступил и против того, чтобы судьбу союзного государства решало всероссийское Учредительное собрание, которое предлагали созвать после крушения коммунизма: «В таком случае туркестанский народ не может сам определять свою судьбу. Он должен выбирать своих делегатов и посылать куда-то в Москву или еще куда-то на совещание. После свержения большевизма судьбу наших народов будет решать наш народ у себя в Туркестане» [ГАРФ, ф. 10015, оп. 1, д. 842, л. 8]. Иными словами, сепаратистские настроения были характерны даже для сравнительно «умеренно» настроенных эмигрантских политиков из Среднеазиатского региона.

Несмотря на то, что фактически достичь компромисса между русскими и национальными эмигрантскими группировками не удалось (русские организации считали, что посткоммунистическая Россия должна быть создана в границах СССР), в марте 1953 г. начала вещание радиостанция «Освобождение», впоследствии преобразованная в «Свободу».

С самого начала деятельность радио «Освобождение» основывалась на внимании к национальным противоречиям, существовавшим в СССР. Основные принципы работы радио были четко выражены в меморандуме, направленном одним из руководителей «Освобождения» М. Уилльямсом сотрудникам станции в 1954 г. В нем, в частности, подчеркивалось: «Единственной целью радио “Освобождение” является освобождение народов СССР от коммунистического режима. Все народы, населяющие территорию СССР, имеют неограниченное право определять их собственную судьбу на основе демократического выражения воли народов после свержения коммунистического режима» [GUL. SC, Robert F. Kelley papers..., 28.04.1954].

Уже в 1950-е гг. радио «Освобождение» и связанные с ним структуры пытались вести пропаганду среди жителей советской Центральной Азии. В частности, как отмечалось в одной из служебных записок, хранящихся в архиве Роберта Келли, «татары и туркестанцы из числа советских мусульманских эмигрантов в США имели отдельные успехи в осуществлении пропаганды среди паломников, направляемых советским правительством в Мекку» [Ibid., 30.06.1956]. В 1960 г. на специальном совещании группы руководящих работников радио «Свобода» национальные редакции получили указание подготовить специальные материалы, «адресованные подразделениям Красной Армии в странах-сателлитах» [Ibid., 06.01.1960].

«Свобода» регулярно проводила своеобразный мониторинг мнения своих слушателей, результаты которого, как показывают архивные материалы, сразу же анализировались в соответствующих подразделениях и направлялись руководству. Уже в начале 1960-х гг. руководство радио получало информацию о том, что станцию активно слушали в РСФСР, Украине, Литве и др. Единичные свидетельства были получены из Киргизии [см.: Ibid., 19.10.1962]. Однако сведений о том, что «Свободу» слушали в других республиках Центральной Азии, обнаружить не удалось.

Как показывает анализ источников, наиболее активно проблемы Центральной Азии стали обсуждаться в структурах, связанных с радио «Свобода», в середине 1960-х гг. Очевидно, в эти годы американским руководством радио была сделана ставка на специальное изучение национального вопроса в СССР. Целью этого, видимо, было осмысление тех перспектив, которые могло принести антикоммунистическим силам развитие национальных конфликтов. Так, в архиве одного из руководителей радио Р. Келли нами обнаружены материалы прошедшего в мае 1965 г. семинара «О национализме в советской Центральной Азии». Характерны вопросы, поставленные организаторами семинара:

В чем заключается сила национального чувства среди местных коммунистов и как она выражается в их отношении к неазиатским коммунистам и к партийной верхушке в Москве?

Насколько ислам важен в поощрении и поддержке национального сознания?

Заметно ли проявление националистического движения в форме агитации за большую автономию или желаниа национальной независимости?

Чувствуется ли интерес или сочувствие к национально-освободительным движениям прошлого в бывших колониях или национально-освободительной борьбе во Вьетнаме и в Конго?

Известны ли [в Центральной Азии] проблемы, внутренние и внешние, новых наций в Азии и Африке?

Участниками семинара стали эмигранты из числа представителей национальной интеллигенции народов Центральной Азии, а также русские эксперты (очевидно, сотрудники Института по изучению СССР, связанного с радио «Свобода»). Ряд докладов на семинаре был посвящен общим проблемам развития национальных отношений в советской Центральной Азии. Среди них можно выделить, например, сообщения Ю. П. Мироненко «Демография Советской Центральной Азии», С. Вороницына «Характер и формы проявления национализма и национального сознания у молодежи среднеазиатских советских республик» и др. Естественно, выступавшие не могли не затронуть тему репрессивной политики в отношении национальной интеллигенции в регионе, особенно в 1920—1930-е гг.: этому был посвящен, в частности, доклад А. Бердимурата «Борьба против ислама в Средней Азии и попытки использования духовенства в советской внешней политике».

Доклады целой группы участников семинара были посвящены национальному движению в отдельных республиках Центральной Азии. Так, в частности, характер и формы проявления национализма в Казахстане были в центре внимания Б. Ризы. В своем докладе он подчеркивал, что именно Казахстан «был избран Москвой в качестве опытного поля для русской ассимиляционной политики».

Национализму в Узбекистане посвятил свое выступление С. Текинер. Докладчик стремился доказать, что «национальное самосознание узбеков — активных участников движения национального сопротивления коммунистическому режиму в Туркестане — все еще достаточно сильно и ощутимо». Однако у беспристрастного слушателя этого выступления закономерно возникал вопрос: почему же тогда трудно найти факты антиправительственных выступлений узбеков на национальной почве? Понимая это, С. Текинер указывал, что необходимо учесть, что Узбекистан — «страна оккупированная»: «ее национальные границы контролируются советскими войсками и пограничниками... Среди самих узбеков немало советских ставленников и агентов».

Среди докладов, посвященных Киргизии, были выступления А. Алтая «Национализм в Киргизии (по материалам советской прессы на киргизском языке)» и Т. М. Давлетшина «О националистических тенденциях в киргизской советской литературе».

Уже упомянутый А. Бердимурат стал также автором доклада на любопытную тему: «Дискуссии о чистоте туркменского языка». Однако центральный доклад, посвященный национализму в Туркмении, сделал Э. М. Кырымал. Ему, как и большинству других политэмигрантов, хотелось верить, что среди совет-

ских туркмен есть и те, кто разделяет взгляды туркменской политической эмиграции. Э. М. Кырымал доказывал, что налицо «живучесть религиозно-национально-бытовых обычаев» в Туркмении. Это, с его точки зрения, являлось одной из «форм проявления национализма», к которым он относил и факты «местничества» при назначении на руководящие посты. Таким образом, он подошел к выводу, который, собственно говоря, и был целью всего его выступления: «Несмотря на 40-летние острые гонения, национализм как таковой в различных проявлениях несомненно существует до сего дня как в Туркмении, так и во всем советском Туркестане».

Вообще, идеологическая заданность выводов была характерна для подавляющего большинства выступавших на данном семинаре. Особенно показательным в этом плане, на наш взгляд, был доклад М. Эмирджана «Национализм в Таджикистане». Очевидно, автор очень старался найти факты проявлений национализма в этой республике, добросовестно проштудировав для этого советскую прессу — основной источник для всех эмигрантских исследователей ситуации в СССР. Однако его усилия увенчались практически полным провалом, и он вынужден был признать: «В последние годы о проявлениях национализма среди таджиков на русском языке не пишется каких-либо конкретных фактов» [GUL. SC, Robert F. Kelley papers, семинар о национализме..., 12—13 мая 1965 г.]. Тем не менее, даже несмотря на это, им был написан огромный доклад на 20 страницах, не содержащий ни одного факта проявления национализма в советском Таджикистане!

В целом, как уже отмечалось, заметно, что именно в 1960-е гг. в США обратили особое внимание на развитие национальных отношений в Советском Союзе. Этой темой стали активно заниматься многие американские политологи, в том числе и из числа русских эмигрантов. Показательно, что много материалов, посвященных этому вопросу, находится в архиве Д. фон Мореншильда в Гуверовском институте. Целый ряд весьма объемных папок содержит рецензии, написанные русским эмигрантом на книги, вышедшие в 1950—1960-е гг. по национальному вопросу в СССР. Среди них, например, рецензия на книгу С. Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» (Гарвард, 1960). Подчеркивая особую значимость положения тюркских народов в России, Д. фон Мореншильд отмечал: «Тюркские национальные группы сформировали после славян самую большую семью национальностей в Имперской и Советской России. Их местоположение на восточных границах России часто делало их для российской политики окном в Азию» [HIA, Dimitri von Mohrenschiltd papers..., Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia].

Особый интерес к национальным проблемам в СССР накладывал серьезный отпечаток и на работу радио «Свобода» в этот период. Тем более что потенциальная аудитория радиостанции все время росла. В условиях сталинского режима только около 2 % советских людей имели техническую возможность слушать западные радиостанции. А в середине 1960-х гг. это могли делать уже почти две трети советских людей. В этот период в СССР насчитывалось 35 млн радиоприемников, из которых около двух третей могли принимать передачи западных коротковолновых станций.

Как показывают документы из архивов руководящих работников радиостанции, «Свобода» уделяла большое внимание исследованию восприятия советскими людьми ее передач. При этом стоит отметить, что руководство станции владело реальной ситуацией и не замалчивало тот факт, что некоторые советские люди негативно оценивали передачи «Свободы». Так, например, в 1965 г. Р. Келли писал одному из руководителей радио Х. Сэрджанту, что за последние 2–3 года доля тех советских людей, которые считали «Свободу» «свободным голосом», упало с 44 до 37 %, при этом сильно возросло (с 4 до 18 %) число тех, кто определял ее как «американскую станцию» [GUL. SC, Robert F. Kelley papers, 29.10.1965].

Именно подобные оценки заставляли руководителей радио «Свобода» уделять еще большее внимание повышению эффективности работы станции. Это отражалось и на структуре радиостанции, которая в 1970-е гг. постоянно менялась. Так, очередная волна структурных перемен прошла в 1973 г. Руководителем всех национальных редакций был назначен Морис Дьяковский, в непосредственном подчинении которого находились армянская, грузинская и северокавказская редакции. При этом туркестанские, татаро-башкирская и азербайджанская редакции возглавлялись другим сотрудником «Свободы» — Дэвидом Ниссманом [GUL. SC, the Jon Lodeesen papers, box 1, folder 56, 19.03.1973]. А с 1975 г. вопросы освещения событий в советской Центральной Азии находились в сфере компетенции департамента национальностей, где существовал пост туркестанского корреспондента — программного специалиста. Его занимал Амар Мурат [Ibid., folder 57, 01.08.1975]. Все это отражалось на работе радиостанции. Подобные структурные преобразования были вызваны той непростой ситуацией, которая сложилась на радио «Свобода» в 1970-е гг. Конфликты на национальной почве, открытые письма и обращения в печатные СМИ бесспорно ухудшали имидж ведущей антикоммунистической радиостанции, вещавшей на Советский Союз. Однако и попытки решения проблем с помощью кадровых перестановок, на наш взгляд, в большей степени осложняли условия работы для сотрудников «Свободы».

Это касалось и тех сотрудников, которые работали на советскую Центральную Азию, тем более что их работа затруднялась отсутствием возможности услышать голос своих радиослушателей, понять, в правильном ли направлении движется редакция. Нам не удалось встретить информации о том, что в 1970-е гг. «Свободу» реально слушали в Средней Азии. Между тем из РСФСР, Украины, Белоруссии, Эстонии и ряда других республик СССР такая информация регулярно приходила.

В этих условиях руководители радио «Свобода» вынуждены были использовать любую возможность для того, чтобы получить хотя бы какой-то намек на то, что их слушают, что их работа не проходит впустую. Так, в 1984 г. на «Свободе» активно обсуждалась информация о том, что в ноябре того же года в газетах «Советский Туркменистан» и «Туркменская искра» были опубликованы статьи, направленные против передач этой радиостанции на туркменском языке. Советские публицисты заявляли, что сотрудники «Свободы», вещавшие на советскую Центральную Азию, сотрудничали с немцами в годы

войны. Один из руководящих работников «Свободы» У. Буэлл даже направил Совету директоров радиостанции специальное письмо по этому поводу, где эти публикации были названы «серией статей», «атакой» со стороны идеологического аппарата СССР. Подобные материалы расценивались как свидетельство того, что «Свобода» имеет «значительную аудиторию слушателей в советской Центральной Азии» [GUL. SC, the Jon Lodeesen papers, box 2, folder 32, 20.12.1984]. Конечно, большей частью руководители «Свободы» выдавали желаемое за действительное.

Характеризуя пропаганду «Свободы» на советскую Центральную Азию, следует обратить внимание еще на один момент. Редакции, которые работали на этот регион, всегда находились в более свободных условиях, руководство радиостанции не контролировало их столь жестко, как, например, Русскую редакцию. Если борьба с русским национализмом велась на «Свободе» долгие годы, то этого нельзя сказать относительно узбекского, киргизского и других «национализмов». Причина такой ситуации была проста — отсутствие специалистов, знающих местные языки. Характерно, что это признавали и сами американцы. Так, в 1985 г. Й. Лодисен писал Дж. Бакли, что на радиостанции всегда была проверка текстов до их ухода в эфир, однако исключениями из этого правила были «кавказские и таджикские программы», т. к. «ни один из членов американского менеджмента не понимал языки» [Ibid., folder 34, 18.03.1985].

Таким образом, деятельность радио «Свобода» в вопросе о вещании на Центральную Азию развивалась весьма противоречиво. С одной стороны, совершенно очевидно, что по крайней мере с 1960-х гг. национальные движения в Советском Союзе стали привлекать все большее внимание американцев. С другой — нехватка квалифицированных журналистских кадров со знанием национальных языков и отсутствие обратной связи вели к тому, что дать репрезентативную оценку эффективности работы «Свободы» на этом направлении не представлялось возможным. Имеющиеся в нашем распоряжении на данный момент материалы свидетельствуют о том, что представители американского менеджмента радиостанции слабо разбирались в специфике менталитета отдельных народов СССР. Они лишь вырабатывали общие идеологические установки, которыми должна была руководствоваться в своей деятельности станция, полагая, что их конкретным воплощением будут заниматься сотрудники соответствующих подразделений. Однако штат тех структур, которые работали на среднеазиатском направлении, был невелик, а их работники, постоянно проживая на Западе, были оторваны от реальной ситуации в Узбекистане, Таджикистане и других республиках советской Центральной Азии. Остро стояла проблема отбора квалифицированных кадров, которые владели бы языками народов региона и были способны на высоком уровне заниматься аналитикой происходивших в Средней Азии процессов. Все это создавало сложности в работе, препятствовало повышению эффективности вещания «Свободы» на Центрально-Азиатский регион.

- Амиров Т.* Крах легиона. Алма-Ата, 1970. [Amirov T. Krakh legiona. Alma-Ata, 1970].
- Афанасьев А. Л.* Польнь в чужих полях. М., 1987. [Afanas'ev A. L. Polyn' v chuzhikh polyakh. M., 1987].
- Белов А. В., Шилкин А. Д.* Диверсия без динамита. М., 1976. [Belov A. V., SHilkin A. D. Diversiya bez dinamita. M., 1976].
- ГАРФ. Ф. 10015. [GARF. F. 10015].
- Малия М.* Из-под глыб, но что? : очерк истории западной советологии // Отеч. история. 1997. № 5. С. 93–109. [Malia M. Iz-pod glyb, no chto? : ocherk istorii zapadnoj sovetologii // Otech. istoriya. 1997. N 5. S. 93–109].
- Armstrong J.* New Essays in Sovietological Introspection // Post-Soviet Affairs. 1993. № 9. P. 171–175.
- Beyond Soviet Studies.* Washington ; Baltimore, 1995.
- GUL. SC (Robert F. Kelley papers; The Jon Lodeesen papers).
- НИА (Dimitri von Mohrenschildt papers).
- Laqueur W.* The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. N. Y., 1994.
- O'Connell Ch. T.* The Munich Institute. Pittsburgh, 1988.
- Post-Communist Studies and Political Science : Methodology and Empirical Theory in Sovietology.* Boulder, 1993.
- Trembl V.* Censorship, Access and Influence : Western Sovietology in the Soviet Union. Berkeley, 1999.

Статья поступила в редакцию 10.10.2012 г.